

Вступление

«МЫ» и МЫ

— Мир жив только еретиками —
Е. Замятин. «Завтра»

Мы изголодались по существенному: без лишних слов, о самом главном.

Повествования не о нас самих, а о кружевах нашей тетки, отправлявшейся на свидание на исходе прошлого столетия, нам наскучили.

Мы ждем слова, — прямого, меткого, — прямо в цель. О живом, о настоящем, о животрепещущем. Пусть это ранит, — о подлинном всегда ранит, — и ранить будет сильно, потому что беда наша — большая. Нас уже не интересует, роман это Ивана или Петра, нас интересует, как сохранить в Иване и Петре возможность, желание иметь роман — возможность сохранить человеческие чувства, выйти человеком из нечеловеческой среды. Речь идет не об индивидуальном более, — о человеке вообще. Об общечеловеческом. Чтоб его сохранить, — последнее. Это наболело. Об этом, пока не поздно, надо говорить. Не о воланах минувших дней, а о нашей ране. И говорить не манерой тех дней — речисто и с фиоритурой —, а оголенно-правдиво. Не можем мы больше говорить лишних слов — не в тарантасе катим, — в ракете. И некогда их говорить: кому мало жить осталось, болтать не может. И поболтать не вред — там, за чаем, на закате, в девятнадцатом веке. Но у нас — не закат, — космическая ночь, и разговор другой.

Замятин — зоркий, прищуренный взгляд; Замятин — не знающий сгиба хребет; Замятин — недрогнувший голос о важном, существенном. А в «Мы» — о самом важном, самом существенном.

В большей ли, — меньшей — степени мы уже живем в стеклянных домах, выходим толпой на работу в назначенный час, в назначенный час возвращаемся (стрелка часов — расписание — висит над нами двойным мечом), всё раньше отрываем детей от себя для подготовки их к «обществу» (скоро и отрывать не придется — будут производить и выращивать без нашего ведома). И общедоступное высшее образование у нас имеется, но в нем мы потеряли наш образ, потому что в университетах мы стали (нас так много!) просто номерами. Неровен час (хотя жизнь наша и теперь уже запружена фактами и верою в них), — и фантазию вырежут, — тогда будем улыбаться бессмысленной улыбкой всем и каждому (и — никому) от довольства собою и окружающим.

Вырезать фантазию = вырезать стремления, неудовлетворенность и мечту. Было время, когда неудовлетворенность восстала в нас против подавления масс и против пренебрежения сознанием. Но она же восстает теперь против подавления личности во имя масс и против власти сознания. Ответов нет. Есть только вопросы. Ответ — в непрерывности вопросов. Жизнь (и чистота) есть движение, вдох и выдох (выдох был тоже когда-то свежезачерпнутой новой струей). Задержать дыхание надолго — значит перестать жить. Отработанное, застой, омертвевший устой подлежит выдоху, уступающему место живительной свежести. Все меняется. Единственно в этом жизнь. Восторгуйтесь тысячекратно прекрасное, но если это завершение, — конец жизни. Счастье — в свободе устремления, — не в достижении счастья.

Стремление сохранить человека в человеке, борьба против механизации, рационализации, квантитативности, конформизма и регламента явственнее всего отразилась сейчас в исканиях современной кинематографии, искусстве. Замятину чрезвычайно близком. Возможно, потому, что жест, движение, образ рождаются прежде слова (которое еще не отразило метаний нашего

времени), или, может быть, потому, что мы отходим от слова, как наиболее сознательного из всех проявлений человеческого творчества. Уход к забытым мирам, пульсирующим тайным своим биением под гладкой оболочкой сознания, все больше замечен у тех, кто отталкивается от перепевов. Фабула, — прежние вёрсты, — умирает. И мы, наверное, наблюдали, что в человеке, в «герое», нас занимает не типическое, не характерное, не индивидуальное, а жадно ловим мы в нем черты, *всем* нам присущие, черты человека, которые приходится постепенно терять. А героями нашими стали не те, что сознательно совершают те или иные «нечеловеческие» подвиги, а те, что прежде были бы заклеены как — бесхарактерные, — люди, которым ничто человеческое не чуждо.

Мы — на краю. И крик наш — как сохранить человеческое, как оградить личность, и уберечь и оживить это для всех, не для одного себя — для *всех*. Человека человечеству сохранить.

Мы устали от сознания. И после стеклянных стен нам любо окунуть свой «цивилизованный» взор в желтые глаза зверя... — Что сделать, чтобы не заросла дорога в Древний Дом, чтобы не закрылись навеки певучие его двери? — —

Перед нами «Мы» Евгения Замятина. Тут он весь, во всю статью. А с ним — и все мы, все человечество — сегодня, сейчас, в данное мгновение.

Евгения Жиглевич

Евгений Замятин

МЫ

